

ЛИНА МУР

ЛИНА
— *без маски* —
МУР

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М91

Оформление — *Екатерина Петрова*

Внутреннее оформление — *Ирина Гришина*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Мур, Лина.

М91 Без маски : [роман] / Лина Мур. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 480 с. — (Неправильная любовь).

ISBN 978-5-17-106785-4

Как пережить предательство близкого человека? Не знаю.

Кто-нибудь даст мне на это ответ? Вряд ли.

Я ненавижу его лицо. Ненавижу то, что он делает. Я ненавижу свою любовь к нему!

Неужели боль никогда не утихнет? И будет крутиться рядом, чтобы на пороге нового дня напомнить о себе?

Я должна научиться жить без него. Я должна забыть его как страшный сон, иначе на мне можно будет ставить жирный крест. Поэтому отныне никаких воспоминаний, никакого сочувствия, никакого сожаления о содеянном. За маской беззаботности и веселья я буду скрывать все, что таится в душе. Решусь ли я когда-нибудь снять ее и вновь стать самой собой? Кто знает...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106785-4

© Л. Мур, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1

Гранд

Как люди живут с разбитыми сердцами, с этим ощущением внутренней пустоты и не сходят при этом с ума?

Как пережить предательство близкого человека?

Не знаю.

Кто-нибудь даст мне на это ответ? Вряд ли.

После двух дней с той ужасной ночи, изменившей в одночасье весь мой мир, я заставил себя найти силы вернуться в Лондон и посмотреть в глаза убийце, хотя я был просто призраком. Однако встречу решил отложить, чтобы подготовиться, искупаться — все-таки бродяжья жизнь около кладбища дала о себе знать.

Открыв дверь квартиры уже в сумерках, я увидел свет в гостиной и раздраженно швырнул ключи от машины на тумбу. Сделав два шага, заметил дорожную сумку на полу. Это заставило меня нахмуриться. Я вошел в комнату.

— Долго же пришлось тебя ждать, — произнес Лес, вальяжно развалившись на диване, и бегло отметил взглядом мой внешний вид.

— Не хочу сейчас разговаривать, — хмуро пробурчал я и только развернулся, чтобы уйти, как в мою голову полетела диванная подушка. — Охренел?! — заорав, повернулся и посмотрел на друга, который вскочил и достал из кармана джинсов свернутый лист бумаги. — Что это, очередное письмо?

Я ехидно рассмеялся, но внутри все похолодело и сжалось. Неужели он не понимает, насколько мне сейчас паршиво?

— Нет, это мое заявление об уходе, — сухо ответил Лес.

— Что?..

— Да, я думал, что знаю тебя, ведь мы были как братья. Но то, что ты сделал, ни в какие ворота не лезет, — покачал он головой и осуждающе посмотрел на меня.

— Не смейся, это она соврала, глядя мне в глаза, — процедил я. — А ее папочка и того лучше — убийца! Ты мозги растерял, что ли? Это Хью убил моего отца, заставил быть наркоманом, он..

— Хватит! — рявкнул Лес. — Мать мне все рассказала, когда поняла, что натворила. Она ожидала, что ты просто разорвешь Хью,

но Лив не дала тебе этого сделать. Лишь благодаря ей обошлось без жертв, хотя она преподнесла тебе себя на блюдечке. Ты же просто сломал ее. Тебе, наверное, интересно, что было после твоего трусливого отъезда? Так я тебе расскажу. Лив вернулась в зал и с гордо поднятой головой стоически терпела каждую усмешку, каждое напоминание об инциденте и спокойно отвечала на вопросы о твоём дебильном выпаде. И я был горд, я был восхищен ее силой. А ты — девчонка! Знаешь, почему ты так сделал? Я и это тебе объясню. Потому что ее слабость — это ты. И ты надавил на нее, спустил собак на ту, кто единственный из всех принимал тебя таким, какой ты есть, который прощал тебе все и любил. Но ты унизил только себя. Показал, насколько ты жалок и слаб. И мне противно, действительно противно от того, что я защищал тебя. Ты оказался подлецом.

— Да что ты знаешь?! — заорал я. — Ты ни хрена не знаешь! Я слышал, как она сказала, что не сможет меня сдерживать долго. Что теперь не защитит своего папочку! Она стала подстилкой для меня, чтобы запудрить мне мозги, и это ей отлично удалось!

— Мне жаль тебя, ты так ничего и не понял, — усмехнулся Лес и на секунду закрыл глаза, вздохнув. — Свое одиночество ты заслужил. Если думаешь, что Нейт или Коул станут разговаривать с тобой, — ошибаешься. Нам всем стыдно за тебя. И так было постоянно, мы вытаскивали тебя, спасали, а ты только разрушал все хорошее вокруг себя. Я вывез все свои вещи отсюда, и ключи лежат на кухонном столике. Расчет меня не интересуется. Я просто оплакиваю годы, которые потратил на то, чтобы сделать из тебя человека, а ты... так и остался уродом.

— И ты из-за этой суки сейчас бросаешь мне в лицо обвинение? — ужаснулся я такому признанию в мнимой дружбе.

— Не смей оскорблять Лив, иначе я врежу тебе!.. — прошипел он, сжав кулаки. — Ты не заслужил ее! Она — удивительная девушка, самая стойкая и идеальная для тебя. Была. А теперь ты один, никого вокруг. Купайся в своем эгоизме и говне, а мы все устали. Это было последней каплей. Ах да, еще одно...

Лес достал из нагрудного кармана мою подвеску и швырнул ее на стеклянный столик.

— Тебе просили передать, это ей больше не нужно, — довольно произнес он, а я сжал губы от обиды. — Я не могу поверить в то, что ты так поступил, Гранд. В голове не укладывается, что она до последнего защищала тебя перед всеми, пока Хью орал. Как и Тео. А твоя мама была в предобморочном состоянии. Она повторяла всем, что тебе просто нужно время, чтобы подумать. Что ты вернешься, ведь ты Гранд Кин, а Кин просто так не сдаётся. Что сильный, умный, ты просто был под властью эмоций. И мне было больно говорить

ей, что она полностью в тебе ошиблась. Что ты, ублюдок, выстроил план по уничтожению всех и вся, а больше всего хочешь сделать ей. Ты — человек, который только играет в жизнь, смеясь над всеми. Но теперь все поменялось. Ты выставил себя полным придурком, истеричкой. Желаю тебе сгнить в одиночестве! И она тебя никогда не простит, она даже не плакала, просто молчала, пока я вез ее в аэропорт. А глаза были пустыми и мертвыми, ты убил ее. Ты испортил всем жизни, но бумеранг вернется. Я буду за это молиться! Прощай, Кин. Твое лицо без маски оказалось самым отвратительным, что я увидел за всю жизнь.

Он резко развернулся и, пролетев мимо меня, ошалевшего и всеми брошенного, напоследок громко хлопнул дверью.

Мой взгляд уперся в крестик, и я сглотнул неприятное послевкусие гнилой исповеди бывшего друга. Подхватив пальцами цепочку, ждал ее в кулаке.

Черт, почему так тяжело дышать? Почему его слова принесли еще больше сомнений?

Схватив вазу со столика, бросил ее в стену. Она разбилась, разлетевшись мелкими осколками по полу, как и вся моя жизнь. Почему никто не смог понять меня? Почему Лес на ее стороне? Да, она великолепная актриса, в этом я убедился лично. Испробовав на мне чары, она подсадила меня на себя. И сейчас я испытывал ломку, но... маски сброшены. Теперь у каждого свое истинное обличье, и это... отвратительное зрелище. Меня бросили из-за суки. Но никто не подумал, каково мне. Никто не захотел меня понять, ведь это не у них жизнь пошла вразрез со сценарием! Только у меня. И я был никому не нужен, как раненый зверь валялся в клетке, а зрители ждали, пока я сдохну.

Нет, не будет этого! Пошло все к черту! Я с детства был одиночкой, но сейчас я вырос! Мне двадцать шесть, у меня есть свой бизнес, и я найду единомышленников. Обязательно найду и еще посмеюсь в лицо прошлой жизни и тем людям, которых в этот момент для себя похоронил.

Стоя у темного фасада дома, я уже несколько раз пытался открыть эту чертову дверь.

— Тряпка, возьми себя в руки! — зло прошипел сам себе и... резко распахнул дверь.

Тишина и непроглядная темнота в доме не предвещали ничего хорошего. Она не выбежит и не улыбнется мне, а я не почувствую внутренней теплоты, лишь острую боль в сердце. И ком в горле, который не сглотнуть. Все это была игра, ее игра, а я даже ничего и не понял, пока не увяз по самые уши.

— А я гадала, хватит ли у тебя смелости появиться здесь, — тишину разрезал холодный женский голос, и я поднял голову, мрачно смотря на мать, которая медленно спускалась по лестнице со второго этажа.

— И ты, Брут? — горько усмехнулся я, процитировав Цезаря.

— Как ты мог, Гранд? Как ты мог так поступить?.. — Голос мамы дрогнул, она щелкнула выключателем, и холл озарился ярким светом.

— Как я мог?.. — недоуменно переспросил ее. — Совсем рехнулась? Ты вышла замуж за убийцу! Или он тебе соврал?

— Мне описали все то, что проходило тогда. Но меня не волновало прошлое. Оно было похоронено, а ты зачем-то вытащил его! — Она обвинительно указала на меня пальцем.

— Мама, что с тобой?.. Ты вообще слышала, что я сказал?! Хью убил твоего мужа, моего отца! Заставил его принимать наркотики! Понимаешь?! А ты мне врала, что папа сбежал с любовницей... Он умер в тюрьме! Лив все знала, она играла мной, тянула время, чтобы ее отец наконец-то доказал самому себе, что он самец!

— Закрой рот!.. — процедила она и, развернувшись, пошла в гостиную. — Это все ложь!

— Ложь? — рассмеялся, следуя за ней. — Это твой любовник тебе сказал? Чтобы ты на него не подала в суд? Так я сам подниму дело, и его осудят за преднамеренное убийство!

— Ты не сделаешь этого, — тихо проговорила мама и отвернулась. — Хью здесь ни при чем.

— Я сейчас тебя ударю, если ты не прекратишь защищать этого гада! — выкрикнул я, закипая.

— Твой отец тоже меня бил, а Хью обрабатывал раны... — скорбно скривила губы мать. — Ты унизил ее, а она... тебя любила. Не разобравшись, устроил цирк... И за это я тебя никогда не прощу. Я люблю Оливию как родную. На моих глазах она росла, по-своему заботилась о тебе, защищала до последнего!..

— Да у тебя старческий маразм... К черту эту тварь! Сейчас важнее другое — ты разведешься с ним?

— Нет! Я первый раз в жизни сделала то, что хотела столько лет, пусть и совершила неимоверное количество глупостей. — Мама усмехнулась и сложила руки на груди.

— Тогда готовься носить передачи в тюрьму!

— Хью не убивал твоего отца, — нахмурившись, ответила она.

— Правда? Тогда кто это сделал? — язвительно поинтересовался я.

— Это была я, — спокойно произнесла мама.

— Так, — протянул я, — теперь ты, как любящая дура, возьмишь на себя всю ответственность, чтобы я не пошел дальше? Глупо, мама, очень глупо. Я вытащу из грязи имя своего отца. Если надо, то и тебя вызову в суд. А там адвокаты разберутся, еще как разберутся!

— Присядь, — указала она мне на кресло, но я упрямо скрестил руки на груди и остался стоять.

— Ладно, пришло время рассказать тебе правду, а не то, что ты себе придумал, и то, что сочинил Хью.

Мама протяжно вздохнула и села на диван.

— Когда я влюбилась в Хью, мне казалось, что этого человека я знала всю свою жизнь. Юная, импульсивная и такая глупая... — Она горько усмехнулась. — Если бы могла предугадать, что последует за моим обидным письмом, то лучше бы прошла унижение и стала трофеем, но... счастливым трофеем. Твой отец и Хью поспорили на меня, но влезла Кристалл, рассказав мне о споре на рождественском балу, с которого мы договорились сбежать с Хью и провести праздник в домике в Шотландии. Я разозлилась, его предательство больно ранило меня. Написала письмо, но только для Дэвида. И он с готовностью прочел его в тот вечер. Хью кричал на меня, обзывал, я отвечала тем же. Уехав к родителям, я старалась все забыть. Когда каникулы закончились, я видела его редко на занятиях, а затем он и вовсе перевелся. Маргарет выглядела крайне удрученной и рассказала мне, что беременна. От Хью. Но она уверяла, что он любит только меня, а их краткая связь — просто случайность. Она ничего не станет требовать и желает нам только счастья. Но для меня это было предательством, я не могла простить его. Тут же появился Дэвид, приглашал на свидания, преподносил подарки. Даже созвонился с моими родителями, спрашивая разрешения быть со мной. А я все думала о Хью, пыталась найти его, и когда мне это удалось, то не смогла ничего с собой поделать. Любовь жила во мне. И мы начали встречаться тайно, пока Дэвид каким-то образом не узнал об этом. Хотя сейчас я догадываюсь, что сдала нас Кристалл. Он не ругался, а только сказал, что все понимает, но просил об одном ужине вместе, чтобы попрощаться друг с другом. И я согласилась. Даже подумать не могла, что та ночь станет для меня концом моей жизни и любви. Он меня изнасиловал. А когда я очнулась, то фотографии нашей грязной ночи уже были доставлены родителям, Хью, всем... Мне пришлось уехать, перевестись в другой университет и попытаться забыть, но... вскоре я поняла, что беременна. Мои родители позвонили Дэвиду, и он тут же примчался делать предложение. Выбора у меня не осталось. После твоего рождения он вновь пытался переспать со мной, но я закрывалась в спальне. А затем он подсыпал мне наркотики, и я опять забеременела, но больше не желала иметь

детей и согласилась на аборт. Тогда первый раз он меня избил, я пролежала в больнице неделю. Затем новое насилие и аборт, и так по кругу до операции, которая больше не дала мне возможности иметь детей. Лежа в палате, придумала, как избавиться от твоего отца. Это было невыносимо, ненависть жила в нашем доме и во мне. Только ты ее не замечал, как и остальные. Я нашла дилера и начала подсыпать Дэвиду наркотики, постепенно увеличивая дозу. И у него развилась зависимость. Он пытался спастись алкоголем и тогда распускал руки, а я убегала к Хью и Маргарет. Последней каплей стали сломанные ребра, и Хью сам написал заявление на Дэвида, и его осудили. Тебе тогда было двенадцать. А я соврала, сказав, что твой отец нас бросил. Незачем тебе было знать, как на самом деле обстояло все, пока ты наслаждался воспоминаниями и гордился своим отцом.

Ноги дрогнули, и я рухнул на кресло, пытаюсь осмыслить и принять услышанное. Даже дышать боялся, чтобы не пропустить ничего из монотонного рассказа.

— Но тут приехали его родители и старший брат, — продолжила мама. — Они жили в Сиднее, были довольно состоятельны и имели вес в обществе. Они пытались откупиться, обвиняли меня во всем. Но у них ничего не получилось, потому что я предоставила суду все свои заявления и медицинские заключения после освидетельствований побоев. И они уехали, а Дэвид остался в тюрьме. Он говорил мне, что как только выйдет, убьет и меня, и тебя, и Хью, всех, кто разрушил его жизнь. Его осудили на шесть лет. Но страх, который я испытывала, не давал мне жить, и я ухватилась за слова Тео о наркотиках. Я заставила тебя пройти медицинский осмотр, Хью помог мне подменить анализы, как я узнала, не без помощи Кристалл. И появилась возможность тебя спрятать в клинике. Через четыре месяца после твоего отъезда состоялся новый суд над Дэвидом, где рассматривалось это дело. Мы тянули время, как могли, пока в тюрьме, в которой он сидел, я не познакомилась с охранником. Заплатила ему, чтобы Дэвиду снова подсыпали наркотики. И к следующему слушанию он стал окончательно зависимым, неконтролируемым. Когда сообщили, что его заключение продлевают, он обезумел и накинулся на одного из присяжных. Разбил о его голову бокал, кричал, что заберет сына, что сделает его моим врагом, и тогда я останусь одна. Все это время меня поддерживал Хью, а родители Дэвида наняли новый отряд адвокатов, которые запугивали меня. Но однажды твой отец услышал, как подкупленный охранник разговаривал со мной по телефону, требуя еще денег. Я отказалась, а через три дня нам пришло оповещение, что Дэвид задушил его. Ему вынесли вердикт — смертная казнь, и тогда же настало время забирать тебя. Но я не могла, просто не могла привезти тебя сюда, чтобы ты

узнал обо всем, и дала согласие на продление срока твоего пребывания в клинике. Дэвид умер в ночь перед казнью. Я только недавно узнала — как и почему. Хью пришел к нему и заплатил крупную сумму, чтобы его убили раньше. Дэвид сам об этом его попросил. А потом новый суд, чтобы посадить меня. Его родители не смогли смириться с потерей любимого сына, а тем более единственного внука на тот момент. Но когда я им сказала, что ты наркоман и сейчас лечишься, их запал сошел на нет. Они оставили нас в покое, и ты вернулся домой. А здесь началась твоя история. Ты натворил дел, и Хью разозлился, кричал, что расскажет все тебе. Правду о невиновности Тео. Но я молила его не делать этого, обещала, что ты больше никогда не подойдешь к Оливии. Поэтому мы расстались. А потом алкоголь и ночи без сна, ненависть к своей судьбе, но Хью сам нашел меня. Мы решили, что прошлое там и останется, хотя Хью взял всю вину на себя. Я видела, как ты смотришь на Оливию, и это же видел Хью. И он соврал ей, рассказав только малую долю правды о твоём отце и о тебе. Он защищал свою дочь. Как будто предвидел, что когда ты узнаешь об этом, то она станет жертвой. Потому что мы всегда, когда слабы, причиняем боль самым близким. А теперь можешь делать что хочешь. Подавай в суд, открывай дело, мне все равно. Я устала от этой ноши, но я ни о чем не жалею. Я спасла тебя от Дэвида, как и Оливия пыталась оградить от прошлого и боли. Но ты оказался не тем человеком, которого я воспитывала и в которого верила.

Я сдавил пальцами виски. В ушах так сильно звенели слова матери, что пришлось зажмуриться. Лучше бы мне жить в неведении о том, что было, чем сейчас осознавать, что ничего не могу сделать. Эта история выбила меня из колеи, сорвала пелену с глаз и расколола маску уверенности. Я жалок и предан всеми. И мне требуется воздух, которого в легких осталось так мало, что дышать невозможно. Итак, маски сброшены, а под ними оказались такие же отвратительные существа, как и я сам. А ведь назад дороги нет, ничего не исправить, ничего не перемотать. Сценарист оставил «вишенку» с торта специально для меня, чтобы показать, что я лишь пешка и ничего не решаю...

Это не я играл без правил, а жизнь. Она подставила меня, сломала и оставила гнить в одиночестве.

Глава 2

Я отрешенно наблюдал за матерью, пока она открывала один из стеклянных шкафов. Пикнул электронный замок сейфа, и мама достала оттуда папку. Развернувшись, она подошла к столику и бросила ее.

— Вот здесь вся информация по делам, отчеты и выписки. Делай с ними что хочешь, — спокойно произнесла она.

— Что ты натворила?.. — с болью в голосе прошептал я.

— Это ты натворил, Гранд. А я просто устала от твоего отца, который был чудовищем. И ты превратился в такого же монстра. Ты потерял уважение всех. Но самое главное, что ты так ничего и не понял. И мне никогда не удавалось достучаться до тебя, как ей. Это обидно, потому что я растила тебя, отдавала тебе самое лучшее, что у меня было. А ты унизил меня. Нет, не Оливию, не Хью, а именно меня. Больше не желаю слушать тебя, а тем более видеть. Мне отвратительно осознавать, что я ошиблась в тебе. Ты никого никогда не любил, даже себя. Подавай в суд, трать деньги, которые теперь стали ничем, меня это не волнует. Добивайся справедливости, только ты не там ее будешь искать. — Она с презрением посмотрела на меня, а я, скривившись, не мог поверить, что это моя нежная мама предстала передо мной в истинном обличье.

— Как ты могла так со мной поступить? — закричал я, вскакивая с места. — Ты... моя мать, предала меня...

— Нет, я не предавала, — возразила она, перебив меня. — Ты сам себя предал, ты не послушал зов сердца. Как твой отец, ты решил рубить и уничтожать кардинальными мерами. Ты, как и он, приносишь только боль и отчаяние. На тебе его печаль одиночества и страха. Я не смогла тебе помочь, а вот Оливия... У нее для этого было достаточно силы и любви. Но ты отвернулся от нее, а теперь от тебя отвернулись все. Беги, как ты это обычно делаешь. Ты не вырос мужчиной, ты остался мальчиком, которого я потеряла, и мне стыдно. Но сейчас предупреждаю тебя, ты не сделаешь больше ни шага в сторону Оливии. Она уехала, и слава богу. Хотя, думаю, она надеялась до последнего увидеть тебя, искала глазами в аэропорту. Но такое никогда не прощается. Она была твоим спасением, а теперь тебе никто не поможет. Я была когда-то на ее месте, но поступила совершенно по-другому. На меня тоже спорили, меня тоже прилюдно унизили. И я бы в отличие от нее начала мстить, и она ведь приехала с этой целью — уничтожить тебя. Корина мне рассказала о некоторых планах этого приезда. Ты написал письмо, которое они хотели получить. На которое спорили, которое должны были прилюдно прочесть, а потом просто высмеять тебя.

— Что?.. — выдохнул я.

— Да, — усмехнулась мама. — Неприятно, правда? Но у Оливии есть определенные нравственные принципы и достоинство. А у тебя — нет. Она любила, а ты играл. Она предлагала тебе себя всю без остатка, а ты посмеялся. Она защищала тебя, дурака. Маргарет ей проговорилась, и она поругалась с Хью. Поэтому она не

ночевала дома, поэтому дала тебе новый шанс. Она пыталась уберечь тебя от правды, чтобы ты не пережил боль, чтобы хоть как-то смягчить удар. Об этом шел разговор в ее спальне, а не о том, что ты себе надумал. Она боялась в первую очередь за тебя, а не за кого-то еще. А ты не понял, потому что не любил. Оливия единственная могла быть с тобой, ни одна больше не вытерпит твоего характера и замашек отца. Ни одна. К сожалению, в свое время я должна была тебя остановить, но не сделала этого. Слишком любила и потакала тебе. Верила в то, что любовь меняет людей. Надо было обрубить эту связь на корню, но я думала, что ты изменился и выберешь другую дорогу. Но увы.

— Она никогда не защищала меня. Меня никто не защищал! Она не любила, и она, сука, спорила на меня! — вырвал я из монолога самые болезненные вещи, мозг отказывался принимать услышанное.

— Открой глаза, Гранд! — резко сказала мама. — Открой их и осмотришь. Что ты видишь? Пустоту, мрак и одиночество. Верно? А теперь вспомни, как этот дом выглядел для тебя, когда она была здесь. Тогда ты почувствуешь разницу, потому что ты сам знаешь, что я права. Но уже поздно, слишком поздно что-то менять.

— Я... — замялся я и облизал пересохшие губы. — Я доверял ей, а она предала меня!

— Ты постоянно повторяешь слово «предала». Потому что это твой грех, а не ее. Ты пытаешься обосновать свою трусость, но для нее нет оправданий. Оливия взяла со всех обещание, что никто никогда не заговорит о тебе и все забудут об этом. Только никто не забудет. У всех перед глазами будет стоять та отвратительная сцена, когда она уговаривала тебя, наплевав на гордость, потому что ты был для нее родным. До тебя не дошло, что единственный человек, которому ты был нужен, это она, та девочка, которую ты унижал уйм раз, пользовался ею и тайно любил. Но от любви до ненависти один шаг, и ты сделал его. Я могу заверить тебя, что она до сих пор любит тебя и будет это делать. Прошла через это с Хью, и я не хотела для тебя такой участи. Но ты выбрал свой путь, не стану тебе мешать, однако и молчать тоже не буду. Ты считаешь, что сейчас главное — это та давняя история, но нет. Ты снова ошибаешься, сейчас главное, кем ты стал, Гранд. Кем ты будешь завтра, когда до тебя дойдут мои слова и вся ярость спадет. Когда ты наконец-то поймешь все. Поймешь, какую глупость ты совершил. И никто не поможет, друзья от тебя отвернулись, как и я. Мы вывезли все наши вещи из этого дома, который ты купил. А теперь вспомни, почему ты так его захотел? Не из-за моей просьбы, я лишь показала. Потому что ты подсознательно желал жить тут с ней. И про сад я помню, когда ты

болел, в бреду говорил об этом и встречах в ночи с Оливией. Но все рухнуло, ничего больше нет. И ты остаешься здесь один. Я не знаю, как до тебя достучаться. Больше не знаю.

— Но я твой сын... — прошептал я.

— Да, и я сочувствую себе, — горько вздохнула мама. — И еще одно тебе на раздумья. На свадьбе ты встал позади Оливии. Почему? Ты держался из последних сил, но стоял и смотрел на все. Она твой кнут. Мне очень жаль, что твоя история окончилась на этой ноте. Я не знаю, когда уйдет боль из груди, но видеть тебя в ближайшее время не желаю. Прощай, Гранд.

Она развернулась и вышла из гостиной. Послышался хлопок входной двери, и меня как будто сильно ударили по голове. Я стоял в шоке, оглушенный отчаянием и паникой.

— Мама! — закричал я.

Нет. Это невозможно! Такое не может произойти со мной! Только не со мной!

Я выбежал в холл. Пуст. Столовая. Никого.

— Ливи... — По щекам покатались слезы, я, шатаясь, выскочил из столовой и ринулся наверх.

Открыв дверь спальни, включил свет и, озираясь, начал искать хоть одно подтверждение, что она тут. Она сейчас придет.

До моего затуманенного мозга дошло, что я один. Суки, я совершенно один. Боль скрутила все внутренности, словно разрывая их когтями, я сполз спиной по стене на пол и завыл, обхватив плечи руками. Виноват. Полный мудака. Всеми брошен и забыт.

— Ты обещала! — заорал я. — Обещала!

Но нет ответа, только слова над постелью... нашей постелью усмехались над моим горем.

«Укради мое сердце этой ночью», — гласили они. Она украла и уехала, забрала его с собой.

Горькое осознание потери встало на первый план. Гордость разбилась вдребезги. Один. Один. Никому не нужный медвежонок Гранд, не понимающий, в каком гадком мире он проснулся и что делать ему дальше. Как чертовски гадко его подставили, а он никогда не научится доверять, даже если любит.

Я вскочил на ноги и стал переворачивать все вверх дном, стараясь найти хоть какую-то подсказку. Должна была оставить. Должна.

Разорванные листы сложил воедино, и боль снова пронзила все тело. Оставила. Прошлое. Сжимая в руках это последнее, что от нее у меня сохранилось, я просто скулил от невыносимых терзаний. Хотелось орать во всю глотку, звать на помощь. Только никто не придет.

Но разум тоже знал, что делать, и повелевал руками, чтобы достать из кармана джинсов телефон и набрать номер.

— Да, Кин, неужели соскучился? Или на свадьбу зовешь? — съязвил абонент.

Я ничего не смог сказать, только пытался отдышаться.

— Гранд, что за хрень? Ты что там, реवेशь? Что случилось? — раздался в трубке уже обеспокоенный голос.

— Рита... я один, — выдавил, глотая комки в горле. — Я все испортил... отец мертв... мать бросила. Она предала меня... нет... это я мудака. Не знаю, как дальше... хочется подохнуть.

— Так, а ну-ка взять себя в руки! — рявкнула подруга.

А мне стало еще хуже от осознания того, что я, мужик, вою, как маленькая девочка, растирая сопли и слезы по лицу.

— Ты где? — спросила она.

— Там же.

— Сейчас буду, оставайся на месте, — моментально ответила Рита и оборвала связь.

— Вот это я понимаю — приплыли, — раздался знакомый голос.

Я вздрогнул и поднял голову. На пороге спальни стояла Рита.

— Чего у тебя входная дверь-то открыта? Я стучала, кстати, — хмуро проговорила она и, не дождавшись ответа, села рядом со мной на кровать. — Твой психотерапевт весь во внимании.

И я начал рассказывать все с самого начала, иногда срываясь на крик или на постыдный силплый стон. Сдержанность явно не мой конек, в небесной канцелярии меня наградили только идиотизмом, и все. Суки!

— Охренеть, только я тебя оставила, и ты сразу влип, парень, — пробормотала Рита и выдохнула, сложив губы трубочкой.

— Понимаешь, все бросили меня. — На глаза снова навернулись позорные слезы.

— Я бы тебе врезала, да не могу. Ты типа мой друг, и тебе нужна поддержка, иначе суицид или психбольница, — цокнула Рита.

— Скажи, это конец? — с надеждой на отрицательный ответ спросил ее.

— Ты будешь поднимать это дело? — поинтересовалась она.

— Я не смогу этого сделать, и не потому, что мне жаль кого-то из этой истории, а потому, что я должен поступить правильно, реабилитироваться в *ее* глазах. Только в *ее*, а на остальных мне насрать.

— Поняла, — вздохнула Рита снова. — Самое последнее — это ехать к Лив и говорить, какой ты мудака. Она это и так знает. Дай время ей и себе, подумай, выстрой план, если тебе она действительно нужна.